

А. О. Муртазаев

**ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ
ДАГЕСТАНСКИХ ВЛАДЕТЕЛЕЙ В 50–80-х гг. XVIII в.**

Поднимаемая в статье проблема примечательна тем, что ослабление внешней угрозы с падением империи Надир-шаха привело к усилению соперничества дагестанских владетелей, в ходе которого каждый определял «союзников» и «противников», т.е. обозначилось новое явление в политической истории Дагестана – создание коалиций. Действительно, почти вся вторая половина XVIII и начало XIX в. были отмечены непрерывной междоусобной борьбой дагестанских владетелей, которая приводила к созданию различных коалиций.

С гибелью Надир-шаха в 1747 г. начался процесс распада его империи и формирование на ее окраинах целого ряда новых самостоятельных государственных образований ханств. Около десятка таких ханств появилось и на севере империи – в Азербайджане, правители которых постоянно вовлекали горцев Дагестана в свои междоусобицы. Так, турецкий путешественник Аджи Челеби свидетельствовал о том, что в апреле 1752 г. владетели Аварии вместе с кубинским и каракайтагским правителями решили напасть на Тифлис (*Фаталиева Х.Р.*, 1990. С. 64).

В 1755 г. Хаджи-Челеби, хан шекинский, пытаясь расширить свои владения за счет Ширвана, осадил ширванского хана Хаджи-Мухаммед-Али в г. Ах-су (Новая Шемаха. – Авт.), который обратился за поддержкой к хану Гусейн-Али кубинскому. Последний выступил на помощь с 3000 всадников, пригласив племянника жены – уцмья Амир-Гамзу с 500 кайтагцев (после смерти Ахмед-хана уцмием стал его внук Амир-Гамза). Посланник от Хаджи-Челеби, угрожая, потребовал от них не вмешиваться в дела хана шекинского: «За оскорблением последовала битва. Разбитый Хаджи-Челеби отступил с большим уроном. Хаджи Мухаммед-Али преподнес победителю ключи от городских ворот, но Гусейн-Али не принял их и после трехдневного угощения возвратился в свое ханство» (*Бакуханов А.-К.*, 1926. С. 129).

В это время внимание дагестанских владетелей было приковано к Дербенту. Раздираемое внутренними противоречиями, Дербентское ханство в середине XVIII в. находилось в тяжелом положении. Произвол и насилие, которые чинили хан и его окружение, вызывали недовольство не только народа, но и части дербентских феодалов, отстраненных от управления ханством. Этой обстановкой умело воспользовались правящие круги Кубинского ханства, стремившиеся овладеть Дербентом, они установили с этой целью связь с дербентцами (*Козубский Е.И.*, 1906. С. 102; *Абдуллаев Г.Б.*, 1965. С. 201), что, несомненно, вызвало беспокойство соседних дагестанских владетелей, хорошо понимавших важное стратегическое и экономическое значение Дербента и не желавших усиления Кубинского ханства. Дагестанские владетели старались помешать кубинскому хану в осуществлении его планов, но среди них не было единства. Уцмий Кайтага Амир-Гамза сам не прочь был овладеть Дербентом, однако соседние владетели не желали его усиления. (*Феодаева Ф.З.*, 1970. Вып. I. С. 135). Каждый из них исходил из своих личных интересов, что приводило к противоречиям между ними.

Наметившиеся слабые стороны политики правителей Южного Дагестана позволили кубинскому хану Фатали воспользоваться сложившейся ситуацией. Он предложил им совместные действия против Дербента, обещая богатые подарки, земли и доходы от взимания пошлин с города. Предложение нашло поддержку у южнодагестанских владетелей и привело к созданию антикубинского союза (Абдуллаев Г.Б., 1958. С. 39). «Фетали-хан, кубинский и сальянский, писал П.Г. Бутков, согласясь с лезгинами, шамхалом Муртазалием, усмием Эмир – Эмзе (уцмий Амир-Гамза. – Авт.) и табасаранским кадием предпринял попытку овладеть Дербентом» (Бутков П.Г., 1869. Ч. I. С. 250).

Необходимо отметить, что уцмий Амир-Гамза, поддерживавший тесную связь с дербентским ханом и сохранявший с ним дружеские отношения, длительное время колебался и не вступал в союз против него. Но неожиданно между Дербентским ханом и уцмием возникла одна из типичных для той эпохи ссор, чем воспользовался Фатали-хан, заключивший союз с уцмием. Г.Б. Абдуллаев, ссылаясь на документы центральных архивов, отмечал, что уцмий «ездил с жалобой ... к кубинскому Фетали-хану и просил дабы он в отмщение того учинил ему вспоможение, на что он, кубинский хан, и склонился, а утвердись в том между собой присягой согласились, чтобы сколько у них военных людей набраться может идти под Дербент» (РГАДА. Ф. 1. Д. 4. Л. 138; Абдуллаев Г.Б., 1958. С. 37).

Овладеть Дербентом, этой сильно укрепленной крепостью, было нелегко. С.Г. Гмелин отмечал, что Дербент было «... очень трудно брать приступом», что «замок дербентский есть большая цитадель» (Гмелин С.Г., 1785. Ч. III. С. 15). Поэтому Фатали-хан приступил к осаде, пытаясь взять город измором. После длительной осады союзным войскам городское население открыло городские ворота. Но союзники не сразу ввели свои войска в Дербент, по-видимому, опасаясь измены. Первым в город по приказу Фатали-хана вступил уцмий Амир-Гамза с небольшим отрядом. За ним последовали отряды Кубинского ханства. Всем остальным войскам было приказано оставаться на прежних позициях у стен Дербента. Овладев большей частью города, союзники предложили Мухаммеду Гусейн-хану добровольно сдать верхнюю крепость (Магомедов Н.А., 1999. С. 121). На это хан не согласился, а потребовал «к себе для переговоров и учинения присяги, дабы ему по сдаче города ничего учинено не было, хайдацкого владельца, который потому послан был» (Эфендиев О.А., 1962. С. 26).

Есть сведения о том, что в этих переговорах Гусейн-хан, не желая сдавать город кубинскому хану, пытался заключить соглашение с уцмием Амир-Гамзой на условиях совместного управления Дербентом. Однако осуществить такие планы Гусейн-хану не удалось. «Дербентские жители единогласно сказали, что они не желают уцмию покорными быть и Дербент отдать, а хотят чтобы Дербент принял Кубинский хан и ему покоряться» (Цит. по: Абдуллаев Г.Б., 1958. С. 41).

Кроме того, городское население Дербента предупредило Гусейн-хана о том, что в случае передачи города уцмию они с оружием в руках выступят на стороне Фатали-хана. «Ежели Дербентский хан с уцмием согласно тому будут, – заявляло городское население, – то они, дербентцы, совокупясь немалое кровопролитие учинят, почему Дербентский хан боясь того, обще с уцмием, прибыв принес Кубинскому хану покорение и город верхний Дербент сдал...» (Цит. по: Абдуллаев Г.Б., 1958. С. 41).

Что касается уцмий Амир-Гамзы, то он, видя настроение населения, отказался от сепаратного соглашения с дербентским ханом. П.Г. Бутков, ссылаясь на Гме-

лина, характеризует уцмья Амир-Гамзу как «обманщика, корыстолюбца, к России не чистосердечного, грабителя путешественников» (*Бутков П.Г.*, 1869. Ч. II. С. 14). Очевидно, что такое же мнение было и у дербенстких жителей. Тогда становится понятным их нежелание видеть у себя в Дербенте ханом уцмья Амир-Гамзу.

Фатали-хан награждал, как обещал, своих союзников, но вознаграждения были неодинаковыми (*Абдуллаев Г.Б.*, 1958. С.41; *Гаджиев В.Г.*, 1965. С. 141). Наибольшие выгоды получил уцмий Амир-Гамза. Так, в документе сообщается, что Фатали-ханом кубинским уцмию Каракайтага «в награждение подарено из подвластных его Кубинского хана три армянских деревни». Кроме того, уцмий получил право собирать пошлыны «из состоящих в Дербенте двух ворот... Фатали-хан обязался предоставить купцам Каракайтага право свободной торговли в Дербенте» (*Абдуллаев Г.Б.*, 1958. С. 42; *Гмелин С.Г.*, 1785. Ч. III. С. 26).

Награда, полученная шамхалом Муртузали, была менее значительной, а табасаранскому кадию досталось лишь денежное вознаграждение. Возможно, это обстоятельство послужило поводом к разрыву между шамхалом Муртузали и Фатали-ханом. Поэтому в начавшейся вскоре после этих событий борьбе между шамхалом тарковским Муртузали и казанищенским Тишсиз Баматом кубинский и дербентский Фатали-хан и уцмий Амир-Гамза оказались на стороне Тишсиз Бамата.

После присоединения Дербента значение Кубинского ханства в политической жизни Дагестана резко возросло. Фатали-хан и его окружение «всегда смотрели на Дербент, как на самое важное владение, которое стало их обычной резиденцией» (*Сумбатзаде А.С.*, 1990. С. 224). Фатали-хан, соединив «провинции Кубинскую и Дербентскую», сделался «против других в Дагестанской Персии ханом сильным, как по власти, так и по доходам» (*Абдуллаев Г.Б.*, 1958. С.205).

Между тем в Дагестане началось новое противостояние между владельцами – они поддерживали двух разных претендентов на шамхальское достоинство. В этой междоусобной борьбе в начале 60-х гг. уцмий Амир-Гамза вместе с Фатали-ханом, кумыкскими владельцами Темир Хамзином и Алиш Хамзином и аварским правителем Нуцал-ханом выступил на стороне Тишсиз Бамата (Перевод с письма татарского присланного от андреевского владельца Темира Хамзина на имя господина генерал-майора и коменданта Н.А. Потапова... Л. 90).

В коалицию шамхала Тарковского Муртузали были втянуты его брат, буйнакский владелец Бамат, акушинцы и казикумухский Магомед-хан, выступление которого на стороне шамхала мотивировалось тем, что усиливающееся Кубинское ханство напрямую угрожало его интересам в Южном Дагестане.

Таким образом, в междоусобную борьбу за власть в шамхальстве Тарковском оказались вовлечены все крупные владельцы Дагестана. Согласно архивным данным, в самом начале этой междоусобицы влиятельными лицами Дагестана делались попытки примирить обе враждующие стороны: шамхала Муртузали и казанищенского Тишсиз Бамата. Однако они оказались неудачными. Шамхал Муртузали отверг требование Тишсиз Бамата дать ему «... из всего имения и подвластных половинную часть», заявив, чтобы «он, Бамат, будучи по нем младшим, жил с покоем и владел с ним обще» (Донесение знаменщика гребенского войска Прокофия посланного в Тарки для разведывания и примечания в Кизляр генерал-майору и коменданту Ступищину... Л.87, 93).

Тишсиз Бамат не принял этот совет и летом 1762 г. ушел к своим родственникам в Эндирей и отсюда обратился к кизлярскому коменданту генерал-майору А.А. Ступищину с просьбой принять его в русское подданство (*Бутков П.Г.*, 1869.

Ч. 1. С.225). Ответное письмо кизлярского коменданта было получено только осенью 1762 г. В нем русские власти сообщили, что поддерживают Тишсиз Бама-та. Фактически это означало отказ России в этот период вмешиваться открыто в дагестанские дела.

Между тем обе противоборствующие стороны готовились к продолжению борьбы. К с. Казанище стягивали свои войска сторонники Тишсиз Бамата, среди которых был и уцмий Амир-Гамза, чтобы, по словам костековского Алиша Хамзина, «в шамхалы определить брата нашего Мугамета», т.е. Бамата (Перевод с письма татарского присланного от бригадира и кумыкского воеводы князя Алиша Хамзина на имя генерал-майора Кизлярского коменданта А.А. Ступищина... Л.39).

Шамхал Муртузали тоже готовил войска, численность которых была увеличена за счет приглашенных горцев (*Бакиханов А.-К.*, 1926. С. 132). Шамхал Муртузали, полагая, что андреевские кумыки выступают против него, согласовав свои действия с русскими властями, в начале октября писал к кизлярскому коменданту: «... мы думаем, что они сие дело чинят по повелению вашему ...» и добавлял: «... с российской стороною неприятелем быть не желаю, а как от андреевцев, так и уцмия и кубинского хана не опасуюсь» (Письмо шамхала Муртазалия на имя господина генерал-майора Алексея Алексеевича Ступищина.. ЦГА РД. Л.64).

Тем временем борьба за власть в шамхальстве продолжала нарастать. В первые годы шамхалом оставался Муртузали. Но в начале 1763 г. Тишсиз Бамат с помощью уцмия Амир-Гамзы, кубинского хана и других союзников сумел захватить власть в шамхальстве (*Бакиханов А.-К.*, 1926. С. 132). Как мы уже отмечали, русские власти предпочитали видеть шамхалом Тишсиз Бамата. В связи с этим после его утверждения в шамхальском достоинстве к нему был послан в феврале 1763 г. ротмистр Терского войска Александр Киреев. В Тарках в это время находился союзник Тишсиз Бамата уцмий Амир-Гамза и подвластные костековского владетеля. Уцмий Амир-Гамза и Тишсиз Бамат заверили Киреева в своей «усердности» к «здешней стороне», т.е. к России. Тишсиз Бамат объявил Кирееву, что ввиду того, что между его подвластными происходит «некоторое замешательство для подкрепления его в шамхальском достоинстве» с помощью уцмия взяты аманаты от всех «тарковских знатных старшин» (Рапорт ротмистра Терского войска в Кизлярскую комендантскую канцелярию... Л. 51). По всему видно, что аманатов давали далеко не добровольно, иначе не пришлось бы Амир-Гамзе для принуждения к этому жителей подвластного шамхалу с. Губден отнимать у них «овец без остатку», которые были возвращены губденцам лишь после выдачи аманатов (Рапорт ротмистра Терского войска в Кизлярскую комендантскую канцелярию... Л. 51).

По-видимому, положение Тишсиз Бамата в Тарках было не очень прочным, и сам он более 2–3 дней в Тарках не оставался, проводя большую часть времени в своей резиденции – Казанище. Бакиханов писал, что он не сумел продержаться в Тарках больше месяца, Муртузали с помощью союзников вытеснил его оттуда (*Бакиханов А.-К.*, 1928. С. 132). В Тарках собирались союзники Бамата: брат уцмия кайтагского Устар-хан с войском, сыновья эндиреевских князей, ожидалось прибытие аварского Нуцал-хана с войском, а также костековской конницы и пехоты (Перевод с письма присланного от шамхала Муртазалия на имя господина генерал-майора и коменданта Н.А. Потапова... Л. 68).

Междоусобная борьба дагестанских владетелей пошла на спад лишь к концу 1763 г. Несмотря на поддержку своих союзников, Тишсиз Бамату не удалось сохранить власть в шамхальстве, которая перешла в руки Муртузали. В январе 1764

г. шамхал Муртузали сообщил кизлярскому коменданту Н.А. Потапову: «Мы с хайдакским и кубинским ханом и с прочими нашими злодеями помирились и учинили с ними договор по магометанскому обычаю» (Перевод с письма присланного от шамхала Муртазалия на имя господина генерал-майора и коменданта Н.А. Потапова... Л. 68).

Однако попытки Тишсиз Бамата вернуть власть в шамхальстве на этом не прекратились. Так, в 1774 г., откликнувшись на обращение русского командования в Кизляре помочь в освобождении академика С.Г. Гмелина, плененного уцмием кайтагским, Бамат поставил условие, чтобы эндиреевцы и костековцы, находившиеся в российском подданстве, помогли ему в возвращении шамхальской власти (*Полиевктов М.А.*, 1925. Т. IV. С. 132). Аналогичную цель преследовал он, принимая участие в антикубинской коалиции в 60–70-х гг. Не случайно его союзники по коалиции – уцмий Амир-Гамза, аварский нуцал Магомед-хан, дженгутайский Али-Султан, казикумухский Магомед-хан – согласились помочь ему изгнать из Тарки шамхала Муртузали, «на место его восстановить Тишсиз Бамата» (Донесение от подполковника Заметаева в Кизлярскую комендантскую канцелярию... Л. 5).

Вторая половина 60-х гг. XVIII в. отмечена не менее бурными событиями. Именно в эти годы в Дагестане складывается новая коалиция, направленная против кубинского хана Фатали-хана, которую возглавил уцмий Амир-Гамза. Недавний союзник Фатали-хана, щедро награжденный за помощь, оказанную в период борьбы за Дербент, действовавший в союзе с ханом против шамхала Муртузали, Амир-Гамза оказался в числе его противников. Причиной этого было достаточно.

Прежде всего, уцмия кайтагского беспокоило усиление Кубинского ханства. Помимо этого, Фатали-хан не выполнил свое обещание, данное уцмию: выдать за него свою сестру Хадидже-бике (*Бакханов А.-К.*, 1926. С. 131). Отказ уцмий получил, будучи в Кубе у Фатали-хана. По дороге в Кайтаг уцмий Амир-Гамза под предлогом повидать свою сестру вошел в Дербент с 2000 своих воинов при помощи дербентского бека Ильяса.

Узнав об этом, Фатали-хан тотчас же повел свои войска на Дербент. По свидетельству ротмистра А. Киреева, ханское войско сумело захватить уцмия врасплох: «В полночь, сделав лестницы, чрез нижний замок Дербента перелезли и караульных усмейских людей до смерти побили, а других в плен взяли... Хан верхний замок (Нарын-калу. – Авт.) атаковал, чтобы он, уцмий, не мог куда скрыться» (*Магомедов Р.М.*, 1999. Ч. II. С. 221). В это время на помощь уцмию из Кайтага пришел отряд, но был разбит войсками шамхала Муртузали, который еще в начале инцидента расположил свои силы около Дербента. Брат Амир-Гамзы собрал еще два отряда и подступил к городу, но их постигла та же участь. Согласно данным русских резидентов, Устар-хан с остатками войска все же сумел прорваться в Дербент и соединиться с братом, однако там они были окончательно разгромлены: «Усмий пронырством своим с братом и четыре человека ушли...» (*Магомедов Р.М.*, 1999. Ч. II. С. 222). И. Ганджинский сообщал о трехдневных боях за Дербент (*Ганджинский И.*, 1848. С. 216).

Мы видим, что в этой феодальной расправе союзником Фатали-хана выступил шамхал Муртузали, который в междоусобной борьбе в шамхальстве был против него. Столь резкие переходы от союзничества к вражде и наоборот были типичны для феодальной эпохи, отмечает Ф.З. Феодаева (*Феодаева Ф.З.*, 1970. С. 146).

В результате неудачного похода на Дербент уцмий Амир-Гамза лишился прав сбора таможенных пошлин в Дербенте и доходов с деревень, ранее полученных им от Фатали-хана, за исключением деревни Малахолил.

Марсел-хан (Магомед-нуцал. – Авт.), узнав о событиях в Дербенте, сразу же прибыл сюда и как посредник выступил при разрешении конфликта между Фатали-ханом и уцмием Амир-Гамзой, благодаря чему за уцмием сохранилась деревня Малахолил (*Фаталиева Х.Р.*, 1999. С. 111; *Серебров А.Г.*, 1958. С. 183–184). Однако посреднические услуги аварского владетеля не принесли существенных результатов. Через год после событий в Дербенте (в январе 1768 г.) кизлярский комендант Н.А. Потапов сообщал в Коллегию иностранных дел о том, что «... хайдацкой владелец уцмий Амир-Амза, собрав войска, подвластных кубинскому и дербентскому Фатали-хану деревень несколько разорил. А Кубинский хан, соглашаясь с тарковским шамхалом, взял Барышлинскую дер., где сам хайдацкой владелец жил, в которой кубинской хан и остался, и слышно, что намерения имеет подвластных уцмию терекемейцев переселить за Дербент, а хайдацкой уцмий выехал в местечко Чумлу...» (Цит по: *Феодаева Ф.З.*, 1970. С. 147).

Наиболее успешные взаимоотношения у уцмия Амир-Гамзы складывались с Рустам-кади табасаранским, который вступил в свои владельческие права в раннем возрасте, к тому же он являлся племянником уцмия. Поэтому Рустам-кади в вопросах внешнеполитического характера опирался на дядю, что создавало дополнительное преимущество для уцмия Амир-Гамзы в борьбе с Фатали-ханом. Весьма существенным было то, что в кадийских владениях, у с. Дюбек, находилось ущелье, позволяющее обойти дербентскую преграду. П.Г. Бутков справедливо отмечал, что по этой причине стратегическая ценность маленького кадийского владения было несравненно выше, нежели майсумского владения (*Бутков П.Г.*, 1869. 4.1. С. 68).

По данным А.-К. Бакиханова и Г.-Э. Алкадари, вскоре после дербентских событий к Фатали-хану переметнулся Эльдар-бек, племянник казикумухского хана, который выступал против своего дяди. Фатали-хан с охотой принял его у себя и поручил ему управление Дербентом (*Алкадари Г.-Э.*, 1929. С. 93; *Бакиханов А.-К.*, 1926. С. 131). Таким образом, Фатали-хан противопоставил его казикумухскому Магомед-хану, входившему в антикубинскую коалицию дагестанских владетелей, да к тому же претендовавшему на Ширванские земли. «Находясь, таким образом, в соседстве уцмия, он (Эльдар-бек. – Авт.) поступками своими еще более огорчал и восстанавливал его (Амир-Гамзу. – Авт.) против Фатали-хана» (*Бакиханов А.-К.*, 1926. С. 131).

Такого же «соседа-врага, – писал Р.М. Магомедов, – Фатали хотел создать и для Рустам-кади - верного союзника Амир-Гамзы» (*Магомедов Р.М.*, 1999. Ч.II. С. 223). Очень скоро появился удобный для этого случай. Некто по имени Шихалибек, сын Мирзы, убил майсума табасаранского Муртузали и занял его место, но не смог удержаться долго у власти, «потому что народ, подстрекаемый уцмием и кадием, принудил его бежать к Фет-Али-хану и возвел в массумское звание Нуураз-бека, сына убитого Муртуз-Али...» (*Алкадари Г.-Э.*, 1929. С. 94). Для кадия и уцмия такое соседство было совершенно безопасным.

Тем временем Фатали-хан со своим азербайджанским союзником Гусейном Шекинским в 1768 г. захватил Шемаху и поделил с ним Ширван.

Усиление и расширение Кубинского ханства сильно беспокоило соседних с ним владетелей, как дагестанских, так и азербайджанских, результатом чего яви-

лось создание ими коалиции, направленной против Кубинского ханства, которое в свою очередь имело союзников в Дагестане и Азербайджане. В Дагестане кубинского хана поддерживали шамхал Тарковский Муртузали и Акуша-Дарго. Как и в междоусобной борьбе за власть в шамхальстве, Акуша-Дарго оказалось в лагере противников уцмий кайтагского Амир-Гамзы. Напряжение противоборствующих сторон усиливалось.

Тем не менее летом 1770 г. Фатали-хану удалось собрать в Дербенте дагестанских владетелей, где он предложил им низвергнуть Магомед-хана казикумукского и поставить на его место Эльдар-бека, «утвердя его над всем казакумыцким народом ханом». Осуществление такого плана могло еще больше усилить власть и влияние Фатали-хана как в Дагестане, так и за его пределами. Поскольку «...через него и Фатали-хану более в Персии усилиться было можно, к чему соглашает еще хайдацкого владельца Амир-Амзу и Тарковского шамхала», а «если сие с успехом окончится, то Фетали-хан намерен ехать с войском, для покорения персического города Тавриза, ибо тамошние жители все охотно его ожидают» (Цит. по: *Абдуллаев Г.Б.*, 1958. С. 64). Но такой план Фатали-хана больше напугал дагестанских владетелей, чем их привлек. К тому же от него отошел картлийско-кахетинский царь Ираклий II, который ранее поддержал захват им Шемахи.

В последующие годы противоречия Фатали-хана с соседними владетелями усилились, пока не переросли в военные действия. В 1773 г. войска Шеки, Карабаха и Аварии выступили против него и захватили Шемаху. Фатали-хан отступил в Кубу (*Магомедов Р.М.*, 1999. Ч. II. С. 228). В это время «... услыша сие, доброжелательные аварскому хану, хайдацкой уцмий, (уцмий кайтагский. – Авт.), женгутайской владелец Али-солтан и Казанищевской Бамат собирают своих людей и хотят ехать к нему...» (РГАДА. Ф. Сношения России с Персией. 1767–1774 гг. Д. 17. Лл. 283–284; *Абдуллаев Г.Б.*, 1958. С. 69).

Между тем, изгнанный из Шемахи, Фатали-хан вернулся с кубинскими и бакинскими ополчениями, а также с войском акушинцев, таркинцев и бойнакцев. Объединенные войска Гусейн-хана шекинского и братьев аварского нуцала Булача и Магомед-Мирзы были разбиты, причем «Булач и Магомед-Мирза пали на поле сражения...», а «их люди бежали обратно...» (*Алкадари Г.-Э.*, 1929. С. 94).

Узнав об этом, брат погибших аварский нуцал Магомед-хан устремился к Шемахе и, соединившись с Агаси-ханом (бывшим правителем Шемахи. – Авт.), занял ее. Тогда Фатали-хан, призвав на помощь своих союзников, ударил по врагу. «Выше старого города, в тесной местности» произошла жестокая битва. Войска Агаси-хана разбежались, а «Нуцал-хан с отрядом, прибывшим с ним из Аварии, сильно и стойко оборонялся, но под конец был разбит». И тогда он предложил переговоры. Фатали-хан обещал безопасность, остановил сражение и пригласил Магомед-нуцала к себе (*Бакиханов А.-К.*, 1926. С. 132).

Когда шли переговоры, даргинцы, которые были в отряде Фатали-хана, потребовали от него убить Нуцал-хана «по не удовольствию, которое они издавна пытали к Нуцал-хану...», на что Фатали-хан «дал позволение» и тогда они окружили палатку, где проходили переговоры, вывели оттуда Мелик-Магомед-хана, а Нуцал-хана убили (*Бакиханов А.-К.*, 1926. С. 132; *Алкадари Г.-Э.*, 1929. С. 94).

Р.М. Магомедов писал, что гибель последнего из братьев-нуцалов потрясла весь феодальный мир Дагестана. Здесь стал быстро складываться «антикубинский блок» (*Магомедов Р.М.*, 1999. Ч. II. С. 230). В середине 1774 г. «... казанищевской владелец Тишсиз Бамат с Хайдацким уцмием (уцмий Амир-Гамза. – Авт.) и жен-

гугайского владельца Али-Солтана братом Ахматом, с набранными из горцев войском тысячах в 6 по дозволению табасаранского кадия прошли чрез Табасаранскую дер. в Персию далее Дербента, для разорения кубинского Фатали-хана...» (Феодаева Ф.З., 1970. С. 147).

Опередив остальных, уцмий первым вышел к Кубе, но, оказавшись в тяжелом положении из-за наступления Фатали-хана, отступил к деревне Худат в местности Гавдушан. Однако вскоре он и здесь оказался окруженным войсками Фатали-хана. Не видя выхода, Амир-Гамза направил хану письмо, где готов был признать свою вину, просил простить ему прежние набеги и пропустить назад в Кайтаг. Фатали-хан в ответ дал знать уцмию, что прощает ему все и отпускает его назад. Когда уцмий направился в свое владение, окружение Фатали-хана стало настаивать на том, чтобы раз и навсегда покончить с уцмием, так как другого такого случая у них больше не будет. Тем самым Фатали-хан «дал себя уговорить»: он позволил внезапно напасть на уходящего уцмия (Магомедов Р.М., 1999. Ч. II. С. 230). И «в то же мгновение погнались с 1000 человек вслед за уцмием». Амир-Гамза, увидя все это, «расположился в супротивление им так исправно, что ... разбил всех и гнал до лагеря Фатали-хана, и они, видя гибель свою, от отчаянности разбежались в разные места а сам Фатали-хан ... с малым числом чиновников своих убежал в свою ж провинцию в Сальяны» (Серебров А.Г., 1958. С. 185). Так описывал майор А.Г. Серебров спустя 20 лет это сражение. Не расходится с ним и А.-К. Бакиханов: «... счастье клонилось сначала в сторону Фет-Али-хана, – писал он, – но Али-бек, храбрый сын усмия, так быстро ударил на центр неприятельских войск, что победа присоединилась к его мужеству» (Бакиханов А.-К., 1926. С. 133). Р. М. Магомедов считал, что основную роль в Гавдушанской победе сыграли кайтагцы ..., на помощь которым вовремя подошли табасаранские беки и Тишсиз-Бамат (Магомедов Р.М., 1999. Ч. II. С. 231). То же самое подтверждают и надписи, сделанные на полях религиозной книги, найденной в с. Ахты (Документы по истории Дагестана, собранные учителем ахтынской средней школы №2. Алиевым Б.А. на араб, языке. Л. 3).

Потери с обеих сторон были значительными. Среди погибших находились Тишсиз-Бамат, Эльдар-бек и майсум Шейхали-бек.

Поражение Фатали-хана было настолько сильным, что он не смог отстоять даже свою столицу Кубу, которую захватил Магомед-хан казикамухский, союзник уцмия по антикубинской коалиции (Березин И.Н., 1850. Ч. II. С.67). Уцмий Амир-Гамза, узнав, что Куба захвачена Магомед-ханом, двинулся на Баку, но не смог взять эту сильную крепость. Потерпев неудачу в Баку, уцмий Амир-Гамза сделал попытку захватить Дербент, однако тоже безуспешно. Тогда уцмий организовал его осаду, разместив свои войска в Мюшкюре и на Каферинской равнине к северу от Дербента.

Поражение в Гавдушанской битве чуть ли не обернулось для Фатали-хана политическим крахом. В одночасье он лишился значительной территории своего государства. В это тяжелое для себя время он неоднократно обращался к России с просьбой о помощи и принятии его в подданство «... Усми, Кайтагский, Магомед Хан Казы Кумыцкой, Усми Эварской, Кади Табасаранской, Али Султан джунгеталинский и Мугамед Диш Сыз..., – говорится в одном из таких обращений, – соединясь и согласясь учиня на меня богомольца за превечный императорской ваш двор нападение... разбив оставили во владении у меня только город Дербент, Сальяны и Муган, а Кубы, Кулгана, Ширван и всех принадлежащих к ним уездов по

самую реку Куру лишили...» (РГАДА. Сношения России с Персией, 1765–1797 г. Д. 15. Л. 13–18; *Абдуллаев Г.Б.*, 1958. С. 188). Шамхал Муртузали, союзник Фатали-хана, пытался помочь ему, но не смог и в январе 1775 г. также обратился к России «с прощением и вспомоществования против хайдацкого уцмия и его сообщников» (Рапорт генералу де Медему от Кизлярской комендантской канцелярии. . . Л. 29).

Учитывая, что окончательный разгром Фатали-хана, сторонника России, нанесет ущерб интересам России в этом регионе, кавказское командование решительно потребовало от владетелей Дагестана, входивших в антикубинскую коалицию, прекратить военные действия против Фатали-хана. Вмешательство России раскололо блок дагестанских владетелей, ослабило противников Кубино-Дербентского ханства, что явилось большой военно-политической помощью Фатали-хану (*Гаджиев В.Г.*, 1965. С. 143). Официальным предлогом для вмешательства в конфликт дагестанских владетелей с Кубино-Дербентским ханством российское правительство объявило смерть действительного члена Российской академии наук С.Г. Гмелина, которого уцмий Кайтага Амир-Гамза задержал в 1774 г. Захватив Гмелина, уцмий надеялся вернуть 200 семейств его подданных, бежавших в Эндиреевское владение еще во время нашествия Надир-шаха. Пока шли переговоры с российской стороной, «Гмелин от тревог, волнений и дурного питания скончался в плену 27 июля того же года» (*Полиевктов М.А.*, 1925. Т. IV. С. 132).

В связи с этими событиями «Екатерина II дала повеление командовавшему войсками на Кавказской линии генералу И.Ф. де Медему наказать уцмия Амир-Хамзу так, чтобы внушить уважение и страх к российскому оружию» (*Магомедов Н.А.*, 1999. С. 127). В действительности же царское командование, направляя войска, стремилось расширить сферу российского политического влияния, укрепить пошатнувшееся положение ориентирующихся на Россию местных феодалов и восстановить свой престиж наказанием уцмия (*Левитов В.Н.*, 1948. С. 137).

В начале марта 1775 г. де Медем выступил из Кизляра с 3-мя тысячами регулярных и 2-мя тысячами иррегулярных войск в Дагестан по направлению к Дербенту, который уже девять месяцев осаждался войсками уцмия. К наступающим русским войскам присоединился и шамхал Муртузали с отрядом в несколько тысяч воинов (*Потто В.*, 1889. С. 70). 28 марта де Медем достиг урочища Иран-Хараб и расположился на месте бывшего лагеря Надир-шаха. Уцмий снял осаду Дербента и напал на де Медема, но был разбит с большими потерями и обращен в бегство (*Козубский Е.И.*, 1906. С. 102). Фатали-хан после произошедших событий прибыл в расположение русских войск и присоединился к ним для продолжения борьбы против уцмия Кайтага и его союзников.

10 мая 1775 г. часть русских войск, к которым присоединился и Фатали-хан, двинулась во главе с майором Криднером из Иран-Хараба в Каракайтаг и Табасаран, остальные войска под предводительством де Медема с отрядами шамхала Муртузали направились в другие районы Южного Дагестана (*Абдуллаев Г.Б.*, 1958. С. 79).

Войска майора Криднера и Фатали-хана разбили уцмия и его союзника казикумухского Магомед-хана, а затем вступили в Табасаран. А.-К. Бакиханов отмечал, что неприятель «...ниже Башлы напал на русский отряд, будучи уверенным, что своей кавалерией без затруднения сломает ряды пехоты, которую в первый раз видел перед собой; но действием артиллерии был опрокинут с величайшим уроном и обратился в бегство... Магомед хан казикумухский был разбит... Фатали-хан с русскими двинулся в Верхний Табасаран, на урочище Калук. Табасаран-

цы, надеясь на свое крепкое местоположение, вздумали защищаться, но после кратковременного сопротивления были рассеяны» (*Бакиханов А.-К.*, 1926. С. 134). Однако отряд Криднера в верхнем Табааране попал в окружение и понес значительный урон, был потерян даже штандарт и знамя, и «только потому спасся... что кадий табасаранский приказал пропустить отряд», – отмечал Потто (*Потто В.*, 1889. С. 72).

Таким образом, антикубинская коалиция дагестанских владетелей была разгромлена. Поэтому участникам коалиции пришлось идти на заключение мирного соглашения. Но уцмий Кайтага, табасаранский кадий и другие владетели выставили одно условие – чтобы Фатали-хан «не в Дербенте, а в Кубе, в его принадлежащем месте был и аманатов дать в состоянии и быть верными во всем удовольствии сделают» (Цит. по: *Абдуллаев Г.Б.*, 1958. С. 80).

В рапорте Екатерине II де Медем, сообщая об этом, просил указаний правительства. Уцмий и кадий объявили, – писал он в Петербург, что «... имеют неудовольствие на дербентского Фатали-хана в имеющейся у них между собой вражде и хотят Дербент отторгнуть от Кубы. » (Цит. по: *Абдуллаев Г.Б.*, 1958. С. 80).

Однако российское правительство решительно заявило о недопустимости перехода Дербента под власть уцмий и его союзников. В рескрипте Екатерины II де Медему от 5 октября 1775 г. говорилось: «Поручается вам, сыскав безопасный способ, дать знать ему, уцмию, чтобы он город Дербент оставил без всякого на него неприятельского покушения и в спокойном владении своего хана...» (*Левитов В.Н.*, 1948. С. 139).

Давая такое указание, Екатерина II исходила из политических и экономических интересов России в этом регионе. Военные действия в Южном Дагестане были приостановлены. Де Медем получил приказ возвратиться обратно в Кизляр (Дагестано-русские отношения в XVIII – начале XIX вв. ... Л. 558). Возвращаясь обратно, де Медем по просьбе Фатали-хана «оставил в Дербенте майора Криднера с 1500-ми человек пехоты и кавалерии и несколькими орудиями, а сам вернулся в июне на Терек, где вновь начала волноваться Кабарда, а чеченцы покушались на казачьи станицы» (*Потто В.*, 1889. С. 72). Однако русское командование на Кавказе дало знать уцмию, что Дербент ни в коем случае ему передан не будет, потребовало, чтобы уцмий и кадий отказались от своих замыслов в отношении Дербента. Вместе с тем российское правительство поручило майору Криднеру примирить Фатали-хана с владетелями Кайтага, Табасарана, Казикумуха и другими. После этого уцмий Амир-Гамза и Рустам-кади табасаранский «присягнули на верное подданство России и представили в Дербент аманатов» (*Козубский Е.И.*, 1906. С. 103).

Таким образом, с помощью России Фатали-хан восстановил свое пошатнувшееся положение и усилил влияние на Восточный Кавказ. И. Ганджинский, указывая на это, отмечал, что поход русских войск в Дагестан «имел большое влияние на судьбу Фет-али-хана и был главной причиной успехов, приобретенных им впоследствии» (*Ганджинский И.*, 1848. С. 223). Однако принятие присяги уцмием и кадием табасаранским и размещение гарнизона русских войск не принесли спокойствия этому региону.

После вывода основной части русских войск из Дагестана в майсумстве Табасарском при помощи уцмий и кадия власть захватил Али-Кули-Саид, который убил майсума Новруз-бека и двух его сыновей, тесно связанных с Кубинским ханством. Фатали-хан требовал изгнания узурпатора, стремясь передать майсум-

ство в управление Магомед Гусейн-бека, сына бывшего майсума Шихали (*Абдуллаев Г.Б.*, 1958. С. 91). Фатали-хан решительно заявил, что он «...сторонника уцмий и кадия до власти на южный Табасаран (майсумство. – Авт.) не допустит» (*Абдуллаев Г.Б.*, 1958. С. 91). Де Медем в этом деле был на стороне Фатали-хана и в письме в Коллегию иностранных дел сообщал: «Необходимо майсумом Южного Табасарана поставить Магомед Гусейн-бека». Правительство Екатерины II одобрило это предложение де Медема и дало указание «на максютское владение восстановить начальником надежного человека» (*Абдуллаев Г.Б.*, 1958. С. 91).

Уцмий и кадий не только не согласились с требованием российского правительства и Кубинского ханства о назначении майсумом Магомед-Гусейн-бека, но и заявили, что после ухода русских войск «... они его поставленного убьют» (*Магомедов Н.А.*, 1999. С. 147).

Только своевременная помощь Кубинского ханства, пославшего в Табасаран вооруженные отряды, сохранила жизнь Магомед-Гусейн-беку, а угроза со стороны российского командования ответить репрессиями на не подчинения заставила уцмий и кадия смириться (*Магомедов Н.А.*, 1999. С.147).

Противостояние Кубинского хана уцмию и кадию объяснялось тем, что Табасаранское майсумство занимало важное в стратегическом отношении положение в Южном Дагестане, прежде всего, в военном и торговом отношениях. Присоединение майсумства к одной из противоборствующих сторон давало ему большое преимущество. Не случайно уцмий и кадий заявляли, что утверждение ставленника Кубинского ханства в майсумстве угрожает им потерей самостоятельности, что «лучше лишиться своих владений, нежели его хана на себя попустить» (Дагестано-русские отношения в XVIII – начале XIX вв. ... Л. 258).

С помощью России Фатали-хану удалось одержать победу в этой междоусобной борьбе за власть в майсумстве над уцмием и кадием. Кубинский хан, заманив каким-то образом ставленника уцмий и кадия в Дербент, арестовал его и сослал в Сальяны. Вслед за тем войска Фатали-хана вступили в майсумство, где к власти пришел Магомед-Гусейн-хан, который проводил дружественную политику в отношении Кубино-Дербентского ханства (*Сумбатзаде А.С.*, 1978. №3. С. 41).

Такое завершение событий вокруг майсумства еще больше усилило противоречия уцмий Амир-Гамзы с Фатали-ханом. В связи с этим в сентябре 1775 г. генерал де Медем указал майору Криднеру на необходимость примирения кубинского хана и владетелей Южного Дагестана. Ему также предписывалось, что «во исполнение указа Екатерины II послал своих представителей к Фатали-хану для переговоров о примирении его с уцмием» (*Абдуллаев Г.Б.*, 1958. С. 87).

Россия опасалась, что дальнейшее продолжение борьбы дагестанских владетелей с Кубинским ханством может привести к вмешательству Турции и Ирана, что было крайне невыгодно России.

После предварительных переговоров российскому командованию на Кавказе удалось дважды организовать встречи местных владетелей: 24 марта, и в середине апреля 1776 г. (*Левитов В.Н.*, 1948. С. 90; Дагестано-русские отношения в XVIII – начале XIX вв. ... Л. 578).

В них участвовали Фатали-хан кубинский, уцмий кайтагский Амир-Гамза, шамхал Тарковский, буйнакский владетель Бамат, табасаранский кадий Рустам, казикумухский Магомед-хан, акушинский кадий и другие владетели. Российскую сторону представлял майор Фромгольд.

Россия на этих переговорах стремилась установить нормальные взаимоотношения между Кубинским ханством, с одной стороны, уцмием кайтагским и его союзниками, – с другой, достигнуть договоренности о возвращении ей имущества и материалов экспедиции Гмелина, создать нормальные условия для русской торговли. Также было достигнуто соглашение, сформулированное командованием русских войск на Кавказе в виде обязательств владетелей перед Россией.

В условиях обязательств значительное место было уделено вопросу о прекращении нападений южнодагестанских феодалов на Кубинское ханство. С другой стороны, соглашение обязывало Кубинское ханство прекратить попытки проникновения в Южный Дагестан, «... в неподлежащие ему (Фатали-хану. – Авт.) место отнюдь не вступаться, а остаться ему так, как и прежде был, пользоваться своей долей», – говорилось в одном из текстов договора (Цит. по: *Абдуллаев Г.Б.*, 1958. С.90). Таким образом, Россией ставились известные преграды дальнейшему расширению Кубино-Дербенского ханства за счет присоединения территорий южного Дагестана. Россия не хотела видеть появления нового сильного государства у своих южных границ, поэтому и проводила такую политику, которая не была направлена против Кубинского ханства, и в то же время препятствовала расширению и усилению последнего. Россия помогла Кубинскому ханству, исходя из своих военно-политических и экономических интересов, о чем свидетельствовало то, что в обязательствах дагестанских владетелей перед Россией внимание акцентировалось на интересах русских купцов, путешественников, дипломатов и др.

Однако одними соглашениями вряд ли можно было добиться спокойствия в этом регионе – слишком уж были сильны противоречия между феодальными владениями. Майор Фромгольд в этой связи предупреждал генерала де Медема, что «... желаемого здесь спокойствия никогда быть не может. Ибо уцмий и кадий, хотя и дали свою подписку в том, чтобы хану (Фатали-хану. – Авт.) ничего не делать, однако сие показывают они по одной наружности..., а внутренне пылают к нему злобой... не упустят ни малаго времени возобновить на него свое гонение» (*Абдуллаев Г.Б.*, 1958. С. 91). Такого же мнения придерживалось русское военное командование на Кавказе. В Коллегию иностранных дел сообщалось: «...уцмий и кадий пришли к мирному соглашению только по одной наружности, они пылают к нему (Фатали-хану. – Авт.) злобой, никакой надежды в согласиях их не предвидится, кроме злостнейших поступков». Что же касается самого Фатали-хана, то он «... не только не желает быть спокойным, но еще мысли его клонятся, чтобы покорить... всех своих неприятелей под свою власть» (Дагестано-русские отношения в XVIII – начале XIX вв. ... Л. 578).

В 1776 г. Магомед-хан казикумухский потребовал присоединения к своим владениям части Кулгана. Используя это требование как предлог к возобновлению борьбы против Фатали-хана, многие дагестанские владетели, в том числе и уцмий Амир-Гамза, стали готовиться к нападению на Кубу. Антикубинскую коалицию на этот раз возглавил Магомед-хан казикумухский. Однако их планы были расстроены вмешательством России. По указанию из Петербурга кизлярский комендант дал знать казикумухскому правителю, чтобы тот «остался бы спокойно при своем владении» (В кизлярскую комендантскую канцелярию из фельдшанской комендантской канцелярии... Л. 43–44). Понимая, что усугубление конфликта угрожает вмешательством России, казикумухский правитель и его союзники вынуждены были отказаться от планов нападения на Кубинское ханство.

Таким образом, Россия предотвратила разрастание конфликта южнодагестанских владетелей с Кубинским ханством, что привело к распаду антикубинской коалиции, которую возглавлял уцмий Амир-Гамза, ослаблению позиции в регионе как уцмий, так и его союзников и наоборот укреплению позиций России и ориентирующегося на нее Кубинского ханства. Именно в этот период у Кайтагско уцмийства складываются наиболее тесные взаимоотношения со многими дагестанскими владениями, основанные на взаимовыгодных условиях.

Отношения Кайтагского уцмийства с Кубино-Дербентским ханством не всегда были враждебными. В 1777 г. Фатали-хан с уцмием Амир-Гамзой даже объединились с целью подчинить шемахинского хана. «... дербентский хан с хайдакским владельцем уцмием помирившись в сущем состоят дружелюбии и послали обще от себя к шемахинскому хану, чтоб пошлину щекинскому хану им отдаваемою, отдавал им с уцмием но когда же не исполнят сего, хотят объявить с ним войну и ити ево на разорение...», – доносил в Кизляр мурза Джанбулатов в ноябре 1777 г. (Донесение от 17 ноября 1777 года в Кизлярскую комендантскую канцелярию от Астраханского войска от мурзы Якшуда Джанбулатова. ЛЛ. 83–84). Но сближение уцмий с Фатали-ханом было недолгим. Очень скоро они оказались по разные стороны линии фронта.

Тем временем правитель Ирана Керим-хан Зенд, с тревогой следивший, как азербайджанские земли объединяет под своей властью Фатали-хана, попытался привлечь его на свою сторону мирными средствами, но потерпел неудачу. Тогда Керим-хан «через Гилянского Гидаят-хана прислал хайдацкому уцмию в подарок разного товару на немалую сумму и склонял ево для вспомоществования себе идти на Грузию, лишить грузинского царя Ираклия престола, а на место ево возстановить кн. Александра...» (Дагестано-русские отношения в XVIII – начале XIX вв. ... Л. 557). Уцмию Амир-Гамзе предлагалось вместе с Гидаят-ханом гилянским ударить по союзнику Фатали-хана Тала-хану джавадскому и освободить дорогу иранскому войску в Грузию, оттеснив Фатали-хана на север от Куры и навсегда закрыв ему дорогу на Араке, к Ардебилю и Южному Азербайджану (Дагестано-русские отношения в XVIII – начале XIX вв. ... Л. 558).

Через год (в 1778 г.) уцмий вновь получает подарки: «...от персидского векиля Керим-хана на мореходном судне к горскому хайдацкому уцмию привезено презентов тысяч на двадцать или более и одна лошадь в золотою попоною и склонял его уцмий, чтоб он, приглася акушинских горских татар, поступил с ним на Грузию...», – сообщал астраханский губернатор князю Г.А. Потемкину о происках эмиссаров Ирана в Дагестане (Дагестано-русские отношения в XVIII – начале XIX вв. ... Л. 558).

Уцмий Амир-Гамза принял предложение Керим-хана и стал собирать войско, «... пригласил к себе табасаранцев, аварцев, акушинцев и протчих горцов...», чтобы «с ними и своими подвластными людьми» быть готовыми «к походу в Грузию нынешнее осенью» (Дагестано-русские отношения в XVIII – начале XIX вв. ...Л. 558). Как видно из документа, среди «приглашенных» есть и акушинцы. А ведь недавно они в союзе с шамхалом и Фатали-ханом выступали против уцмий Амир-Гамзы. Можно предположить, что отношения уцмий с Акуша-Дарго в тот период несколько улучшились.

Тем временем Гидаят-хан гилянский, заручившись обещаниями поддержки со стороны уцмий Амир-Гамзы, в январе 1778 г. вторгся в пределы Талышского ханства, находившегося под покровительством Фатали-хана, а в апреле он уже

овладел Сальяном, затем вышел на Муган и захватил крепость Джавад (*Абдуллаев Г.Б.*, 1965. С.565). Фатали-хан был хорошо осведомлен о происходящих событиях, но не мог оказать реальную помощь своему союзнику, поскольку сам находился под постоянной угрозой со стороны уцмий Амир-Гамзы. Так, документ того времени свидетельствует, что «уцмий дал ясно знать Фатали-хану, что если он будет защищать врагов содружного ему Хидаят-хана, то он сам нападет на его Дербент, как только он выступит из онога, и так, Фатали-хан не посмел и шага сделать из Дербента, а сие единственно и было причиною, что Хидаят-хан мог взять Тала-Гасан-хана (Джавадского) и разорить Сальяны» (*Онуллахи С.М.*, 1982. С. 47).

Между тем организованный иранскими властями поход дагестанцев во главе с уцмием Амир-Гамзой не состоялся: разнесся слух о смерти Керим-хана. К тому же угроза шамхала Тарковского ударить по Кайтагу в случае осуществления похода заставила Амир-Гамзу отказаться от сбора ополчения (*Бутков П.Г.*, 1869. С. 115). Однако под его командованием оставалось около трех тысяч конницы «из своих людей и прочих дагестанцев». И с этим войском уцмий направился на юг. Возможно, этому в немалой степени способствовали успехи Гидаят-хана. Г.-Э. Алкадари описывал этот поход следующим образом: «Каракайтахский уцмий Амир Гамза ... собрав до трех тысяч конницы, прошел через Дербент, Кубинский уезд, Ширван, двинулся на город Ардебиль. Перебив горожан, выступивших на защиту общества, он велел разграбить город, а потом с имуществом и обильной провизией повернули оттуда на Гянджу. Точно также разграбив город Гянджу и перебив там людей, оказавших сопротивление, он отправился в Нухинский уезд, а оттуда прибыв по Ахтынской дороге, прошел через Кюринский округ в Табасаран и вернулся в свое владение» (*Алкадари Г.-Э.*, 1928. С. 97).

Р.М. Магомедов писал, что этот поход должен был сильно поднять престиж уцмий Амир-Гамзы (*Магомедов Р.М.*, 1999. Ч.II. С. 242). Действительно, как отмечал А.-К. Бакиханов, «ни один из владетелей областей, через которые он проходил, не смел противиться ему, а некоторые старались задобрить его подарками, отклонить таким образом от своих владений» (*Бакиханов А.-К.*, 1926. С. 134). Выходит, что авторитет и силу уцмий признавали не только в Дагестане, но и далеко за его пределами в Азербайджане и даже в Иране. Иранский правитель Керим-хан Зенд в своей закавказской политике наряду с Гидаят-ханом гиланским опирался именно на уцмий, видя в нем силу, способную противостоять растущему влиянию Фатали-хана.

Между тем Фатали-хан, воспользовавшись отсутствием уцмий Амир-Гамзы, сумел привлечь на свою сторону его племянника Хан-Магомед-бека, «известного своей храбростью и расторопностью». Для него Фатали-хан построил в трех фарсах от Дербента крепость, названную в его честь Хан-Магомед-кала, и переселил туда сто кубинских семейств. Хан-Магомед-бек стал активно противодействовать Амир-Гамзе: «Таким образом Хан-Магомед-бек день ото дня ослаблял власть уцмий» (*Бакиханов А.-К.*, 1926. С. 134). Так Фатали-хан «создал на территории уцмий Амир-Гамзы силу вроде охранного пункта для себя», – заключает Г.-Э. Алкадари (*Алкадари Г.-Э.*, 1928. С. 97).

В это же время на сторону Фатали-хана перешел старший сын Магомед-хана казикумухского Шахмардан-бек. Фатали-хан немедленно закрепил за ним Гюнейский магал и магалы Кабирский и Кутуркюринский, образовав «буферное» Кюринское ханство. «Таким образом Фатали-хан между собой и Магомед-ханом Ка-

закумухским сделал его сына Шахмардан-бека укрепленной преградой и обезопасил с его стороны свою границу» (*Алкадари Г.-Э.*, 1928. С. 97).

Такое развитие событий ставило уцмию Амир-Гамзе препятствия для его успешного противостояния в борьбе с Фатали-ханом. Может быть, поэтому он «принужден был... войти в мирные сношения с Фет-Али-ханом». (*Бакиханов А.-К.*, 1926. С. 134). По всей вероятности, этим и объясняется участие войск кайтагского уцмий вместе с войсками шамхала Тарковского в походе объединенного войска Дербентского, Бакинского, Шемахинского, Шекинского, Карабахского, Талышского и Ардебильского ханств под предводительством Фатали-хана в 1781 г. против войск Ага-Мухаммед-хана Каджара, которые заняли Гилян и вытеснили оттуда Гидаят-хана, в связи с этим последний и вынужден был искать помощи у Фатали-хана и других (*Магомедов Н.А.*, 1999. С. 138).

Тем временем князь Александр (претендент на грузинский престол) начал активную деятельность на политической арене Закавказья. Используя его, Турция намеревалась при помощи Фатали-хана и дагестанских владетелей сместить с престола пророссийски настроенного кахетинско-картлийского царя Ираклия II, который в 1782 г. оказался в Дагестане, о чем Фатали-хан сообщал русским властям: «... после пребывания его в Дагестан, приехали ко мне в Дербент высокостепенный Муртуз Али Хан шамхал, Амир Хамзе Хан усми Кайтакской, Али Султан Чумекетанской (дженгутаевский. – Авт.) со всеми дагестанскими старшинами и первенствующими людьми и, все оное собрание ... приглашало и уговаривало меня с собою ехать на расхищение и пленение Грузии. Намереваясь взять с собою ... высокостепенного Александр-хана и итти войною на Ираклия хана Тефлинского владетеля и его из Тефлиса выгнать, а на место его позоставить владелем, помянутого Александр-хана...». При этом дагестанские владетели и старшины руководствовались не только политическими соображениями, но и надеялись «...получить себе в добычу безчисленные сокровища учиня великую тамошних людей пленение, возвратится в свои обиталища» (*Дагестано-русские отношения в XVIII – начале XIX вв.* ... Л. 558).

Известия об этих планах встревожили русскую администрацию на Кавказе, так как в это время готовилось заключение Георгиевского трактата с Ираклием II о союзе России с Грузией и протекторате, а потому разорительный поход и смена Ираклия II были бы крайне нежелательны для России. В связи с этим в ноябре 1783 г. по требованию генерал-поручика П.С. Потемкина князь Александр был выдан вместе с сопровождавшими его лицами представителям командования российских войск на Кавказе (*Магомедов Н.А.*, 1999. С. 142).

Однако периоды мирного сосуществования уцмий Амир-Гамзы с Фатали-ханом быстро заканчивались, и снова начинались противостояния. Как уцмий, так и Фатали-хан не упускали случая раз и навсегда покончить друг с другом, о чем русским властям сообщал житель Кизляра: «... уцмий по подзыву аварского Ума-хана по вводу им, Ума-ханом, к себе в согласие шушинского Ибраим-хана и женгутейского владельца Али-Солтана, и табасаранского владельца и Кадия желает, совокупясь с теми ханами и владельцами итти войною на него Фатали-хана и разорить...» (1783 года мая 21-го дня возвратившийся из персидского города баки кизлярской окоченской татарин Нагишей Денгизбиев...разведет следующее... Л. 22). Узнав об этом, Фатали-хан поехал к уцмию Амир-Гамзе, «... дабы уговорить уцмий, чтоб он от согласия того отстал, а держал сторону ево, Фетали-хана...». Уцмий дал понять ему, что такой вариант возможен, только должен «Фетали-хан, по обету своему, ему уц-

мию, собираемую пошлину с едущих в Дербент в передние ворота будет отдавать, да и отдать в вечное владение принадлежащие Дербенту и Кубе некоторые деревни...» и только после этого «отстанет от противных Фетали-хану дружбою» (1783 года мая 21-го дня возвратившийся из персидского города баки кизлярской окоченской татарин Нагишей Денгизбиев...разведал следующее... Л. 22).

Возможно, оба правителя смогли прийти к какому-то компромиссу, поскольку в 1785 г. грузинский царь Ираклий II с тревогой писал генерал-поручику П.С. Потемкину о том, что «шамхал, уцмий, ахошинской (акушинский. – Авт.) кады, табасаранской кады, Фетали-хан, ширванские ханы два брата, и нухинский хан, все согласились и весною намерены с войском своим выступить в поход, расположиться лагерем ниже Ганжи, или выше сего города, и оттуда делать нападения на Грузию» (Дагестано-русские отношения в XVIII – начале XIX вв. ... Л. 558). Действительно грузинскому царю было чего опасаться. Согласно архивным данным, под командованием Фатали-хана набралось до 25 тыс. человек (Магомедов Н.А., 1999. С. 94).

Однако этот поход не состоялся, так как Фатали-хан получил указание российского командования на Кавказе прекратить подготовку военных действий и «чтоб распустил свои войска» (Бутков П.Г., 1869. Ч. II. С. 140). Россия не была заинтересована в усилении ни Фатали-хана, ни грузинского царя Ираклия II, поскольку чрезмерное усиление какой-либо из сторон не отвечало планам правительства Екатерины II.

На улучшение отношений Фатали-хана с уцмием, возможно, указывает и тот факт, что когда Умма-хан аварский зимой 1787 г. вместе с шушинским ханом осадил Фатали-хана в Шемахе, вместе с кубинскими войсками «шамхалов и усмиев сыны также кинулись для помощи Фетали-Хану» (Бутков П.Г., 1869. Ч. II. С. 140).

По всей видимости, этим эпизодом и закончились взаимоотношения уцмий Амир-Гамзы с Фатали-ханом Кубинским.

В марте 1787 г. уцмий Амир-Гамза умер. За время своего правления он больше проявил себя во внешней политике, чем во внутренней. Р.М. Магомедов писал, что при нем заметно усилился удельный распад Кайтага (Магомедов Р.М., 1999. Ч. II. С. 249). Что касается его внешнеполитической деятельности, то она приобрела необычайно широкий размах. Кадийство табасаранское оказалось под его прямым влиянием. Майор Д.И. Тихонов даже отмечал в 1796 г., что северотабасаранское общество Дюбек входило в состав уцмийства (Тихонов Д.И., 1958. С. 132).

После смерти Амир-Гамзы уцмием Кайтага стал старший в роде Устар-хан, и не без помощи извне, поскольку «...Фетали-хан усердствует, так и весь Каракайдацкой народ желает, чтоб был уцмием дядя (Устар-хан. – Авт.), а не племянники, дети Амира-Хамзы» (Дагестано-русские отношения в XVIII – начале XIX вв. ... Л. 721). А после непродолжительной болезни умер и Фатали-хан, главный противник уцмий Амир-Гамзы (Бутков П.Г., 1869. Ч. II. С.277). Со смертью Фатали-хана в 1789 г. резко упало влияние созданного им в этом регионе сильного государства, и очень скоро оно распалось: от него отошли Ширван, а затем и Баку, хотя его наследники Ахмед-хан, а затем Шихали-хан пытались проводить политику отца, но безуспешно. В связи с этим отношения Кайтагского уцмийства с Кубино-Дербентским ханством ослабели, поскольку уцмийство само переживало не лучшие времена. В 1790 г. умер Устар-хан, и противоречия, связанные с наследова-

нием уцмийского престола, привели к ослаблению как внешней, так и внутренней политики этого государства.

Таким образом, подытоживая итоги нашей работы можно заключить, что период 50– 80-х гг. XVIII в. был отмечен резким усилением соперничества дагестанских владетелей в ходе которого каждый определял «союзников» и «противников», что было связано с ослаблением внешней угрозы после падения империи

Надир-шаха. Дагестанские владетели получили возможность переключить свое внимание на внутренние проблемы. Обозначилось новое явление в политических процессах Дагестана – создание коалиций.

БИБЛИОГРАФИЯ

Абдуллаев Г.Б., 1958. Из истории Северо-Восточного Азербайджана в 60–80-е гг. XVIII в. Баку.

Абдуллаев Г.Б., 1965. Азербайджан в XVIII и взаимоотношения с Россией. Баку.

Алкадари Г.-Э., 1929. Асари-Дагестан. Исторические сведения о Дагестане. Махачкала.

Бакиханов А.-К., 1926. Гюлистан-Ирам. Баку.

Березин И.Н., 1850. Путешествие по Дагестану и Закавказью. Ч. II. Казань.

Бутков П.Г., 1869. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год. Ч. I. СПб.

В Кизлярскую комендантскую канцелярию из фельдшанской комендантской канцелярии // ГУ «ЦГА РД». Ф.379. Оп.1. Д.435.

Гаджиев В.Г., 1965. Роль России в истории Дагестана. М.

Ганджинский И., 1848. Жизнь Фет-Али-Хана Кубинского. – Оттиск из сб. газеты «Кавказ».

Гмелин С.Г., 1785. Путешествие по России для исследования всех трех царств в природе естества. Ч.Ш. СПб.

Дагестано-русские отношения в XVIII – начале XIX вв. / Под ред. В.Г. Гаджиева // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 278. Л. 558.

Документы по истории Дагестана (собранные учителем ахтынской средней школы № 2. Алиевым Б.А. на араб, языке) // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 329.

Донесение знаменщика гребенского войска Прокофия посланного в Тарки для разведывания и примечания генерал-майору и коменданту Ступищину в Кизляр. 1762 февраля 2 дня // ГУ «ЦГА РД». Ф. 379. Оп. 1. Д. 524.

Донесение от подполковника Заметаева в Кизлярскую комендантскую канцелярию. Подано 22 декабря 1773 года // ГУ «ЦГА РД». Ф. 379. Оп. 1. Д. 914.

Донесение от 17 ноября 1777 года в Кизлярскую комендантскую канцелярию от Астраханского войска от мурзы Якшуда Джанбулатова // ГУ «ЦГА РД». Ф. 379. Оп. 1. Д. 1055.

Козубский Е.И., 1906. История города Дербента. Темир-Хан-Шура;

Левитов В.Н., 1948. Очерки из истории Азербайджана в XVIII веке. Баку.

Магомедов Н.А., 1999. Дербент и Дербентское владение в XVIII – первой половине XIX вв.: Дис. ... д-ра. ист. наук. Махачкала.

Магомедов Р.М., 1999. Даргинцы в дагестанском историческом процессе. Ч. II. Махачкала.

- Онуллахи С.М.*, 1982. Город Тебриз XIII–XVIII вв. Баку.
- Полиевктов М.А.*, 1925. Архивные данные о смерти на Кавказе С. Г. Гмелина // Известия Кавказского историко-археологического института. Т. IV. Тифлис.
- Потто В.*, 1889. Исторический очерк Кавказских войн от их начала до присоединения Грузии. Тифлис.
- Перевод с письма татарского присланного от андреевского владельца Темира Хамзина на имя господина генерал-майора и коменданта Н.А. Потапова получено сентября 12 дня 1767 года // ГУ «ЦГА РД». Ф. 379. Оп. 1. Д. 656.
- Перевод с письма татарского присланного от бригадира и кумыкского воеводы князя Алиша Хамзина на имя господина генерал-майора Кизлярского коменданта А.А. Ступищина от 12 сентября 1767 года // ГУ «ЦГА РД». Ф. 379. Оп. 1. Д. 525.
- Перевод с письма присланного от шамхала Муртазалия на имя господина генерал-майора и коменданта Н.А. Потапова // ГУ «ЦГА РД». Ф. 379. Оп. 1. Д. 546.
- Письмо шамхала Муртазалия на имя господина генерал-майора Алексея Алексеевича Ступищина ГУ «ЦГА РД». Ф. 379. Оп. 1. Д. 524.
- РГАДА. Ф. Сношения России с Персией, 1765–1797 гг. Д. 15.
- РГАДА. Ф. Сношения России с Персией. 1767–1774 гг. Д. 17.
- РГАДА. Ф. 1. Д. 4. Л. 138.
- Рапорт генералу де Медему от Кизлярской комендантской канцелярии // ГУ «ЦГА РД». Ф. 379. Оп. 1. Д. 987.
- Рапорт ротмистра Терского войска в Кизлярскую комендантскую канцелярию // ГУ «ЦГА РД». Ф. 379. Оп. 1. Д. 556.
- Серебров А.Г.*, 1958. // Историко-этнографическое описание Дагестана. 1796 г. // История, география и этнография Дагестана XVIII–XIX вв.: Архивные материалы / Под ред. М.О. Косвена и Х.-М. Хашаева. М.
- Сумбатзаде А.С.*, 1978. Истоки истории Азербайджана // Изв. АН АзССР. Сер. истории, философии, права. №3. Баку.
- Сумбатзаде А.С.*, 1990. Азербайджанцы – этногенез и формирование народа. Баку.
- Тихонов Д.И.*, 1958. Описание Северного Дагестана. 1796 г. // История, география и этнография Дагестана XVIII–XIX вв.: Архивные материалы / Под ред. М.О. Косвена и Х.-М. Хашаева. М.
- Фаталиева Х.Р.*, 1990. Аварское нуцальство в XVIII веке (Социально-экономическое, политическое и культурное развитие): Дис. ... канд. ист. наук. Махачкала.
- Феодаева Ф.З.*, 1970. Из истории русско-дагестанских политических взаимоотношений в 60–70-е гг. XVIII в. // Вопросы истории и этнографии Дагестана. Вып. I. Махачкала.
- 1783 года мая 21-го дня возвратившийся из персидского города Баки кизлярской окоченной татарин Нагишей Денгизбиев секретной экспедиции спрошен и объявил по бытности ево в персидских пределах разведал следующее // ГУ «ЦГА РД». Ф. 379. Оп. 1. Д. 1188.
- Эфендиев О.А.*, 1962. Образование Азербайджанского государства Сефеви дов. Баку.